

КРОКОДИЛ

Рис. С. Грузенб рга.

ВЕСНА.

„Гонимы вешними лучами
С окрестных гор уже снега

Сбежали мутными ручьями,
На потопленные луга...“

ВОИНСТВЕННАЯ НАТУРА.

Рис. К. Ротова

Находящийся в настоящее время за границей атаман Богаевский в своем мобилизационном плане обещает выставить к 1925-му году на северном Кавказе казачью армию в 600 тысяч шашек.
Из белых газет.

АТАМАН БОГАЕВСКИЙ (после 6-й бутылки): — Ну, теперь для нападения на Россию у меня все готово: есть шашки, есть пики, есть даже батарея...

СКРОМНЫЙ СЧЕТ.

Уважаемый товарищ редактор!

Разрешите при помощи вашего журнала свести кое-какие долгишки с далекими и совершенно мне незнакомыми, но крайне неприятными людьми.

Недавно я прочел в газетах, что в связи с признанием СССР в Англии закопошились целые тучи людей и людшек, собирающихся предъявить нам счет за различные потери и убытки.

Я давно ждал этого момента, потому что у меня тоже есть небольшой ответный счет ко всем этим господам. До сих пор они молчали,—молчал и я. Но теперь я, как и они, говорю:—Посчитаемся:

У меня была маленькая племянница Танечка. Случилось так, что я заменил ей отца, который шесть лет воевал и погиб на Мурмане от шальной английской (последнего образца) пули. Эту Танечку я любил, наверное, больше, чем отец, потому что все отцы любят детей немножко по обязанности, по долгу, по инстинкту. А я любил бескорыстно, добровольно.

Ее стоило любить. Синие глаза на нежном, румянном личике давали мне бодрость и радость в жизни, когда мы оба голодали, когда все вокруг голодали, когда ее отец умирал на Мурмане от английской пули.

А как она чудесно говорила:

— Дядя приехал на лошади, а мы ни на чем не приехали! Я сегодня видела сон большой, большой вот с этот дом.

У меня была пепельница в виде башмака. И когда я спрашивал ее, чей это башмак, она отвечала:

Это папиросин башмак!

Мы занимались с ней рисованием и кружок она называла „солнышком“, а прямоугольник пирожным. И одна из всех женщин она говорила мне:

— Ты папа-дядя Вася самый красивый! Ты кудрявый!

И вот она заболела от истощения, от недоедания. Я старался достать для нее все. Я спас бы ее, но...

Вы знаете, что такое блокада?

Это когда умирающим детям не дают лекарств. Вот что такое блокада.

Может-быть, те, которые пишут свои счета там в Англии скажут вам что-нибудь другое. Но вы им не верьте.

Танечка умерла. Добрые англичане любезно соединили отца и дочь в царствии небесном. А я остался один в надежде подать когда-нибудь свой скромный счет добрым англичанам и вот я его подаю.

Но он еще не окончен.

Если вы москвич, вы наверное видели на углу Охотного калеку, который торгует спичками. Это—мой друг. Мы кончили вместе городское училище, вместе играли в снежки и перышки. Вместе вступили в жизнь.

Он поступил на завод, я стал учиться дальше. Скоро он женился и уехал на Кавказ. Я не видел его много лет. Увидел, как он есть сейчас: без ноги, без семьи, без прежней улыбки.

На вопросы мои он ответил одной фразой:

Англичане... там... в Баку.

Сам он скромный и тих до крайности. Он не хочет подавать никаких счетов. И я включаю его в свой скромный счет.

— Вы, господа, сидящие в Лондонах, Манчестерах и Бирмингамах, проводящие ваши отчеты. Может-быть, вы учтете на ваших привычных счетах Танечку, ее отца и моего безногого приятеля? Во что расценивается у вас детская жизнь? 50% взрослой? Или меньше? А сколько вы платите за искаленную жизнь? За оторванную ногу? Вам это нетрудно сделать, у вас есть, вероятно, преис-курант.

Сколько стоит ведро слез? Может-быть, вы расцените его хотя бы по количеству находящейся там соли и горечи.

Вас. Лебедев.

P. S. Я не решился бы подать свой скромный счет, если бы у нас была война с Англией. Но, ведь, мы не воевали. Не правда-ли?

ХРИСТОСИКИ И НАРКОПРОСИКИ.

На Донском медфаке
Учатся попы...

Но, ведь, это враки!
Болтовня толпы!..

В пролетарском ВУЗе
Под рабочей блузой,
Вельми длинновласы
Две поповских рясы—

Парочка попов—
Гурич и Быстров.

И ещё есть, паки,
Там же, на медфаке,
Некий гражданин—
Гольденберг-раввин.

Как ни злись ячейка,
Как ни плачь студком,
Есть еще лазейка
Получить диплом.

Университеты,
Не смотрите косо:

Пишутся декреты
Не для Наркомпроса,
Ибо сам Христос
Любит Наркомпрос.

Чуж-Чуженин.

СПЕКУЛЯЦИЯ МЕРТВЕЦАМИ.

Французы зарабатывают на мертвецах, показывая путешественникам достопримечательности в виде „18 тыс. черепов“ и т. п. „Изв ЦИК“.

— Как истинный патриот своего отечества, я даже собственные коммерческие дела должен соединить с патриотической пропагандой... вдохновенно говорил мне мосье Гильо, показывая заарендованное под разные ресторанные предприятия поле битвы.

— Да мы и так з аем...—попробовал я возразить ему.

— Нет вы не знаете...—воскликнул он с пафосом.— Или вернее, вы знаете отвлеченно, сухо, а тут вам все это—наглядно... Что сильнее действует и на у и на сердце... Вот, например, у одного вашего художника, как его... не то Айвазовского, не то у Маковского... есть картина „апофеоз войны“, изображающая большую кучу черепов... А я вам покажу кучу, перед которой куча Маковского покажется не более, как муравейником...

Вообразите: 18 тысяч черепов.. Вот сколько положили мы в одном сражении.

— А почему же вы их не погребли...—возмутился я.

— Ну, вот... Зачем же погребать... А как же вы их тогда бы увидели.. Ведь, несмотря на все великие изобретения наших гениальных ученых, средство видеть сквозь землю еще не найдено... Итак, здесь у меня все связано с воспоминаниями об этой ужасной, неславной войне... Вот этот стол, например, — тот самый, на котором генерал Дедьябло подписал смертный приговор шестидесяти семи германским шпионам... Столбы этой вот террасы — это столбы вислицы, на которой шпионы были перевешаны...

Меня уже начинало не на шутку забирать отвращение.

— Может - быть, довольно.. — сказал я ему..—Я бы не прочь уже позавтракать...

— Пожалуйста... — сделал он такое движение готовности, какое делают обыкновенно официанты.—А вам где желательнее накрыть стол... Хотите, вот

в том лиловом павильончике... На этом месте произошла самая жаркая стычка. Стол № 1 стоит как-раз на том месте, где сержант Нуар пронзил шашкой сразу трех немцев... Проволока, которой переплетена вон та изгородь, это — остаток от проволочных заграждений... Кое-где на них видна ржавчина... Знаете ли вы, что это за ржавчина...

Я знал, а поэтому уже потерял аппетит..

— Что же. Вас это не удовлетворяет...—продолжал он.— Есть и еще интереснее...

Мне стало противно... Я отказался от завтрака и заметил предпримчивому французу:—У какого-то нашего поэта... не то Айвазовского, не то Маковского, в одном стихотворении есть следующая строчка:

Где стол был явств, там—гроб стоит...

А у вас выходит наоборот, и притом в сто раз хуже... Мерси, кормите уж своих..

Аргус.

РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Милюков в „Последних Новостях“ жалуется на то, что интеллигенция в СССР ушла в философию и богоискательство и призывает ее вернуться к реальной политической жизни

Милюков взволнованно говорил родным и знакомым:

— Я получил сведения от наших друзей оттуда. из этой... из Совдепии. Ужасно! Просто ужасно! Они все там ушли от реальной политической жизни. Замкнулись в узкие кружки, занялись философией, богоискательством.. примирились! Перестали быть гражданами! Забыли о долге перед родиной! Так этого оставить нельзя. Я подниму их дух. Я напому и их долг. Я окрылю их надеждой! Я..

И в тот же вечер Милюков сел писать письмо в СССР. Ходил по комнате, кусал жест-

СКОЛЬКО ВЫПУСКОВ БИБЛИОТЕКИ „КРОКОДИЛА“ ТЫ ПРИОБРЕЛ?

кие усы, ерошил волосы и писал, подбегая к столу:

— Граждане, братья! Пусть мой голос, как гром, пронесется по всей единой, великой и неделимой от хладных финских скал до Дарданелл-Слушайте меня, братья - интеллигенты. Вы — соль земли русской! Опомнитесь! Вернитесь к реальной политической жизни! Будьте снова гражданами, боритесь с большевиками, как только можете! Пусть их признают другие—вы их не признавайте! Час спасения близок! И когда этот час спасения придет, вы получите должную награду (посты не ниже губернаторских, ей-богу!)..

Философией и религией хорошо заниматься, когда знаешь, что у тебя лежит приличный капитал в банке. Опомнитесь! Мы вас поддержим (морально, а вы нас (материально)! И мы победим. И еще раз кричу на всю святую Русь:

— Вернитесь к реальной политической жизни!

И долго еще писал Милюков. А потом отправил письмо и с трепетом стал ждать ответа.

Ответ пришел скоро в виде коротенькой телеграммы:

— Идите вы к чорту. Сами вернитесь к реальной жизни. Почему вас котир, ется червонец?

Вас. Кумач.

ЧЬИ ПОХОРОНЫ?

Рис. С. Грузенберга.

БУРЖУИ (с балкона):—Чьи это похороны?

РАБОЧИЙ: Ваши, господа буржуи!..

ТЫ

ПОСЛАЛ

СВОЙ

ВЗНОС

НА

АЭРОПЛАН

„КРОКОДИЛ“

ПРОЛЕТАРСКАЯ ВЕЧЕРИНКА.

— Городнишка нац, сами видите, маленький, задуальный. Обывателя полнейшее пере-производство — кишмя кишат. Скука такая, что помереть можно. Ну, помирать не помирают, а ударяются в другие самоубийства, кто насчет выпивки, кто в картишки, кто по женской части. Словом, мелкобуржуазная стихия по самую макушку.

Прихожу я к своему приятелю Шпонову, он раньше в политпросвете служил, и говорю:

— Сеня! Так, мол, и так. Нужно бороться. Теперь такие события. Можно сказать, мы на пороге великих событий, а у нас, как на кладбище. Давай устроим вечеринку. Соберем свою компанию, побеседуем, попьем чайку, знаешь, на скромных началах.

накрашены, носы напудрены, все маменькины дочки, совбарышни. Словом мелкобуржуазная стихия. Один только порядочный человек Синюхин, кандидат еркапэ.

Я к нему. Потасил его в соседнюю комнату.

— Слушай, говорю, Синюхин. Что ж это такое? Какая же это пролетарская вечеринка, когда обывателя наперло? Надо спасать положение!

— Брось, — говорит Синюхин. — Чего ты панику наводишь? Важна не форма, а содержание. Они пришли пожрать и пофлиртовать, а мы им дадим надлежащее течение. Ты скажешь о международном положении, я что-нибудь в этом роде добавлю. Надо же вести работу среди беспартийных!

Ну, вот, решили мы взять инициативу в свои руки. Публика уже расселась, девицы, как

Понимаете, какая провокация! Все повскакали, полезли чокаться.

— Позвольте, кричу, товарищи! Нужно организованно! Ведь у нас не мещанская вечеринка!

А Кишкин, ехидина, кричит:

— Вы что же, товарищи, не хотите пить за революцию в международном масштабе?

Ну-с, выпили мы, хочу продолжать, вдруг Шпонов:

— За нашу Красную армию!

Ну тут и пошло. Выпили мы и за Красную армию, и за революцию в Польше, и за ликвидацию безграмотности. Девица Лахудрова, пустая такая девченка, мещанка до самых пяток, и та поднялась и пропищала:

— За свободную женщину! Долой кухню и семейную кабалу!

Вижу, дальше говорить о международном положении невозможно. Да как тут говорить, когда на одном конце поют „Быстры, как волны все дни нашей жизни“, а на другом „То не ветер ветку клонит“. Ну, думаю, мелкобуржуазная стихия распоясалась, надо спасать положение. Решаю посоветоваться с Синюхиным. Туда-сюда — нет Синюхина. Как провалился.

— Твой Синюхин, — кричит мне кто-то, — индивидуальной пропагандой занят, агитирует женское сословие.

Я возмутился таким отношением и кричу:

— Пожалуйста без пошлостей! У нас не мещанская вечеринка!

Побежал я искать Синюхина на улицу. Голова у меня трещит. На улице темнота, хоть глаза выколи. Вдруг слышу голос Синюхина и еще чей-то женский. Подхожу, смотрю Синюхин и Маруся. Я прямо отрезвел от неожиданности, потому что Маруся... Ну это к делу не относится.

— Товарищ Синюхин, — говорю ему, — на одну минуточку, важное дело.

А он, понимаете, мне отвечает:

— Какое там дело! Кончил дело — гуляй с женотделом!

— Позвольте, говорю, нельзя ли без зубоскальства. Мы не на мещанской вечеринке и вам, как кандидату партии...

Тут Синюхин встает и подходит ко мне.

— Ты, говорит мне, катись дальше и мне не мешай. Напрасно ты за Марусей ухаживаешь. Она на тебя чихать хотела.

— Как, говорю, чихать хотела? Это она на тебя чихает.

Слово за слово. Человек я горячий и потом же возмутился таким отношением к нашей вечеринке...

Ну, сбежались тут и оттащили нас в разные стороны. Голова у меня как свинцом налита и чувствую, что вот-вот нужно выправлять паспорт на поездку в Ригу. Плюнул я и ушел в дом. А там такое творится, что прямо ужас. Скрипач играет, певица визжит, все поют, танцуют.

— Скандал — думаю, скандал на весь город. Вот тебе и пролетарская вечеринка.

Хотел-было усовестить, да куда там. Какой-то чорт мне на голову из сифона зельтерскую воду начал лить, потом уложили меня на кровать. Так я там и проспал до утра.

Вот, понимаете, какие дела. Сорвали, подлецы, нашу вечеринку. Ну, да ничего. Вы у нас долго пробудете? Всю неделю? Тогда приходите к нам на следующую вечеринку. Мы устраиваем у Сизова. Самая пролетарская вечеринка, не такая, как была. Никаких мещанских выходок. И совсем не дорого. По две с половиной тысячи на брата.

Приходите обязательно.

Архип.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ.

Рис. К. Ротова.

Узнав о признании СССР Англией, Италией и др. державами де-юре, эс-эр Керенский при встрече с „бабушкой русской революции“ — Брешко-Брешковской, воскликнул растерянно:

— Вот тебе, бабушка, и де-юрев день!

Шпонов прямо с руками и ногами ухватился. — Блестящая идея! Великолепно! Чудесно! Сейчас же вызвался быть организатором. Назначили мы день — субботу в девять часов вечера у Кривоносова. У него, знаете, удобно, потому что квартира большая, пианино и до некоторой степени свой парень.

Ну-с. Я был занят, так что орудовал сам Шпонов. Пришла суббота. Забегает за мной Шпонов.

— Идем, говорит, все готово. Певица, скрипач, вина по бутылке на брата. Словом с рыла выходит по три тысячи. Дешевка.

Приходим мы к Кривоносову, а там такая картина, как в кинематографе, когда показывают званый вечер у какого-нибудь буржуа: на столе цветы, вино, приборы. Девиц штук двадцать, разодеты, как на бал, губы

поросята, повизгивают, головами вертят. Вижу, что атмосфера не пролетарская, надо с места в карьер направлять в надлежащее русло. Постучал я ножом об тарелку и взял себе слово.

— Вот, говорю, товарищи, собрались мы не для праздного времяпрепровождения, не для обывательского зубоскальства, а в целях культурного объединения на пролетарских началах. Наша вечеринка должна быть не мещанской, а пролетарской. Теперь, когда мы накануне событий...

Словом, начал я говорить о международном положении. Оратор я, знаете, не плохой, потом же политически немного развит. И вдруг поднимается этот дуралей Кишкин и кричит:

— Товарищи! Выпьем за международную революцию!! Ура!!

ЛЕНИНСКИЙ НАБОР.

Бор Ефимов

... И потекли лавиной в тот же час
В наш строй ряды железных пополнений.

Нет Ленина, но жив рабочий класс,
И в нем живет вождя бессмертный гений...
Демьян Бедный.

**ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫХОДИТ В СВЕТ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ Москва, Охотный ряд, 7.

ФОРТУНА.

I.

Житья не стало от Авдотьевны. Пилит, что пила-рыба. Зудит комаром. Посудой грюкает зло.

— В кого это ты такой удачливый. Хромюга немазаный. Антереса своего не знаешь. Иван Иванович уже кальеру иседелал...

— Какую,—нехотя спрашивает Сил Силыч.—Не слышал чтой-то.

— Уши что ли заложило? Вчера на всем честном народе похвалялся: В ячейку вступает по случаю Ленина. Недельку, говорил, помаринуюся средь простонародья, а потом движение получу в

трест. Мануфактурки буде по горло. Уж он такой! Мануфактурщик! Непременно движение ему будет в самой скорости. Руку человек набил в прежнем деле-то, в своем.

Сил Силыч голову почухал: в самом деле, хорошо бы и себе через ячейку по сапожному делу выйти, склад что ли получить через временное доверие народа или на счет заготовки сыроватины годик по доверию сработал, а там можно и свое дельце развернуть—прощайте, товарищи, уж теперь как-нибудь без вас обойдемся!

Но сказал:

— Ври еще там. Ишь губу раскислила. Дураки что ли там сидят, не видят, кто до чего добирается.

Должен быть установлен строгий контроль профессиональных союзов и инспекции труда за практикующейся заменой женщин мужчинами при сокращении штатов.

(Из газет).

Слово и дело.

Рис. Б. Ефимова.

ЗАВ:—Дорогу женщине!

— Всех-то и не увидеть. У кого душа в конспирации—ни в жизнь не узнать.

Еще с полчаса пилила. Потом к Ивану Ивановичу побегла—про чужое счастье узнавать.

Сил Силыч махры дернул, задымил. Задумался: может фортуна, в роде котел в лото—вот зацепить бы!

II.

Трофим Михайлыч писал разные прошения, но все больше про финансовую систему и нажим. Писал, как в старину, через ять, покорнейше, с твердым знаком, только вместо его высокоблагородию чиркал ответственному за республику товарищу, а также гражданину.

— Дорогой Сил Силыч, мы для тебя мозгов не пожалеем. Ныне пропасть народу прошения насчет Ленина пишут. Всяк сворачивает на его личность. Облегчения просит в знак памяти. Хитрый народ!

За двадцать минут состряпал. Сил Силычу завидно стало—хлеб-то как легко человеку достается, знатная штука это—буквенная грамотность.

„Товарищи пишу во вверенную Вамячейку всю правду какую имею на сердце и сокрушаюсь почтительно. Как помер кормилец и поилец Ленин, так места не нахожу себе, даже в своей домашней обстановке, и по ночам тайный голос зовет под красное знамя. В груди так и стучит: Сил Силыч, гряди во имя господне и записывайся в ряды. И жена моя убивается, что не сознательный я, не понимаю интересов, которые огненными буквами пропечатаны в газетах. Покорнейше прошу принять меня в стойкие и стальные колонны, согласен идти наперед всех и умереть без лишних слов. Потому не сдамся акулам хищникам, не посраим землю русской, а даже напротив будем наслаждаться жизнью, которая есть наша.

Да здравствует, товарищи, единый кулак, которым вдарим по буржую.

Кожевник Сил Силыч Стояросов, а за него, малограмотного, расписался Трофим Михайлович Гусаков, а политический псевдоним Зоркий Глаз.

III.

В Райкоме Сил Силыча приняли сухо.

— На каком производстве?

Перепужался Сил Силыч: сидят все люди важные, хоть и молодые, но очки-стые, в петлицах портреты и флажки втыканы.

Покамест по домашности хлопочу, а жена моя подсолнухами—по бедности, в позапрошлом году на бирже состоял, в ногах отеки, через очередь и лишился безработного звания.

— Для нерабочих прием закрыт.

— Как же так. Иван Иванович Зудов поступил, хуже что ли его буду?

Порылся очкастый, плечами повел.

— Отказано. По формальным причинам.

Зашурушал бумагами, головой нырнул кизу, словно нет ему никакого дела до Сил Силыча.

Сил Силыч поднялся, пошарил глазами по сторонам и сказал:

— Ну, что ж, если формально, так я что, я могу повременить. Я формально ничего не имею против этого.

И вышел. На все четыре стороны.

Ал. Ракитников.

РАЗУМНАЯ ЭКОНОМИЯ.

— Смотри! Экая запряжка! В 50 лошадей!
 — Это наш директор завода экономию наводит:
 у него недавно автомобиль в 100 лошадиных сил отняли...

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ.

Заведующий газетным отделом "Под красной звездой" принял нас радушно и на лавку посадил.

— Чем могу быть полезен, товарищи-красноармейцы?

Мы маленько страсти утихомирили, а потом Митрь Гаврун и отвечает:

— Значит, очень благодарнище. Коммунистическая газета, а позор на всю республику,— мерси вас.

Тут волнение связало ему язык, и он беспомощно посмотрел на меня:

— Говори ты.

— Вы, т. заведующий,— сказал я,— клеветник и ежели Митрь Гаврун вашей клеветы не перенесет, то весь 55 й полк прямо скажет, что вы один виноваты.

— Вижу,— говорит заведующий,— вы не пьяные а слова несете дикие. В чем дело то?

— Об'являй— сказал Гаврун,— у меня дыхание перехватывает.

Я все рассказал. Как выделили мы военкора, как в каждом номере про нас есть напечатанное и как все это верно и только одно странно, что зовут нас не 55-м, а «номер полком».

— Это не по нашей вине,— перебил меня заведующий,— нам предписано в целях сохранения в тайне места расположения войсковых частей вместо названия частей писать букву «эн», а как у нас в типографии мало «энов», то мы «№» ставим.

— Мерси вас. Это нам ничуть не утешительно, раз каждый красноармеец знает, что как про наш полк пишут, так сейчас не «55 й полк», а «номер-полк». Теперь, значит, разворачиваем вчерашнюю газету. Читаем: «юбилей номер полка». Про нас?

— Про вас,— согласился заведующий.

— Разборка и сборка пулемета с завязанными глазами в номер полке. Про нас?

— Про вас!

— Ребеночек Ким родился у политрука номер полка. У нас?

— У вас, у вас!

— Аггга. Кашевар украл три пуда пшена в номер полке,— у нннас?

— Позвольте справлюсь... Нет, это не у вас, а в 64-м полке!

— Как в 64-м? Вы прямо пишете «в номер-полке», а «номер-полк» это мы. Чего там выворачиваться. Обидели человека!

— Товарищи, это условное обозначение, чисто техн..

— Нет, извините, от такого обозначения человеку стыдно в глаза смотреть. Товарищи и то говорят,— а може ты правду крал. Газета не врет, сколько про наш номер полк писала, все правда.

— А военкор прямо говорит,— я на тебя этой клеветы не писал,— сокрушенно вставил Гаврун,— и что мне теперь делать, не знаю. В 64-м полку человек украл, а я на всю Республику позор терплю..

Вижу я у человека даже слезы на глазах, а заведующий улыбается.

— Я,— говорю,— клевету не потерплю. Мы жаловаться будем.

Собрались вокруг нас на шум редактор, секретарь и прочие. Очень сочувствуют, а помочь не могут. Редактор говорит:

«мы фамилию того, 64-го кашевара пропечатаем, чтобы с тебя позор снять» а Гаврун: «Это не поможет, надо полк указать, а фамилия у того кашевара Гарбуз, вот и скажут,— всего-на всего опечатка».

— Нельзя,— говорят,— полк печатать.

— Ну, что ж,— отвечаем,— если нельзя, значит пострадаем.

Пришли мы обратно в казарму и все сторонкой идем, чтобы нас кто не приметил. А Гаврун чахнуть начал. Мы ему всем полком: «верим». А он: «на весь СССР позор прошел». И доктор говорит «плохо».

Только тем и спасли, что все домой отписали, чтобы на всю Республику прошло, что Гаврун личность всечестнейшая. И ежели митинги будут, то и там, чтобы и в избах читальнях. И чтоб обязательно,— заказные марки наклеили по 6 копеек золотом по курсу дня.

Евграф Дольский.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС.

Рис. Денисовского.

— И нас, полотеров, наконец, вспомнили...

КОНТР-СЧЕТ.

Рис. Б. Ефимова.

...У нас имеется к английской, французской и американской буржуазии свой счет. Огромный, кровавый счет, в сравнении с которым иностранные описы убытков—букашка.

ИНВАЛИД: — С вашим счетом мы покончим в два счета!..

НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ.

„Злоупотребления в трестах грозят стать бытовым явлением. Пределяют еще еудебные процессы“

Из газет.

Однажды произошел необыкновеннейший случай: почти целый час никто не обкрадывал Шум-треста.

Директор треста сначала удивился, потом начал беспокоиться:

— Что случилось? Почему вдруг такая перемена?!

Местные сторожилы были не менее поражены этим несслыханным событием и оживленно обсуждали его, собираясь группами:

— Что за чудеса? Стоит себе трест и... никто его не об'егоривает! Непостижимое явление!..

Было очевидно, что тут что-то неладно. Директор треста, растерявшись, в сильном волнении созвал экстренное собрание спецов.

— Я пригласил вас, — начал он дрожащим голосом, — чтобы сообщить вам пре-необыкновенное известие: наш трест в течение целого часа никто не надул! Чем вы об'ясните такую, можно сказать, курскую аномалию?

Спец в недоумении переглянулись. Кто-то озабоченно спросил:

— Может быть, совразини и совротозей сегодня не явились на службу?

— Нет, все они пришли! — ответил директор. — Совбуры и совдуры также на своих местах. Волокита и бюрократизм у меня попрежнему процветают. Все в порядке, а между тем необычайный факт на лицо: трест еще не надут никем!

Спец поблелели. Двое в испуге перекрестились. Событие граничило с чудом. Кто то предложил даже отслужить молебен, чтобы отогнать несомненно дьявольское навождение...

Старший инженер трясущимися губами спросил:

— Может-быть, они забастовали?

— Кто? Рабочие?

— Да нет! При чем тут рабочие? Это — народ честный и самоотверженный. Я говорю о посредниках, поставщиках, контр-агентах и прочих дельцах, с которыми наш трест заключает разные договоры. Может они саботируют?

Директор схватился за сердце.

— Боже мой! — воскликнул он, потрясенный. — Неужели вы думаете, что они сговорились стать честными и не надуть больше трест? Неужели они раскаялись, как Тихон, и постановили не вгонять наше предприятие в дальнейшие убытки? Возможно ли?..

Старый, опытный трестовик, восемь раз привлекавшийся уже к суду за ротозейство, медленно покачал головой:

— Нет, не думаю. Они неспособны на такой саботаж!

Решили по этому поводу запросить мнения одного из рабочих. Тот ответил сразу:

— Кто? Дельцы-то забастовали? Посредники честными стали? Я там не бо-гомол, чтобы в чудо верить! Который паразитный элемент, так он без надувательства не может. У него уж организм такой..

— Чем же вы об'ясните, товарищ, что целый час никто из них треста не обворывал?

— Гм!.. Верно, простудились. Но вы не беспокойтесь: смажут себе грудь скипидаром, поправятся и опять трест об'егорят.

— Вашими бы устами да мед пить! — вздохнули спецы...

Прошло еще полчаса. Аномалия продолжалась... Все ходили на цыпочках, разговаривали шепотом, как в доме, где лежит тяжело-больной.

Главный инженер бродил по тресту, как тень. Недоумение и отчаяние змеи вползали в душу.

И вдруг, когда уже была потеряна всякая надежда, в кабинет директора ворвался маститый совдур и, захлебываясь от радости, сообщил:

— Уже! Кончилась аномалия... Об'егорили!

— Кто? что? — заволновались все. — Где?

— В нашем тресте. Посредники и поставщики. Только что возобновили. Я сам видел, как один выманил солидный аванс под большую партию мыльных пузырей, а другой поставил тресту два вагона старой жести вместо бессемеровой стали.

Директор облегченно вздохнул.

— Наконец-то! А я уже думал, что новые порядки в тресте завелись... — Но почему они целый час не надували нас? — Нечаянно.

Все успокоилось. Жизнь треста вошла в свою подсудную колею.

Д. Долов.

ЗАВИСТЬ.

Пыши за похоронная процессия тянулась по улице. Лошади в белых шорах, в белых пополах о кистями. Четверо белых могильщиков в белых высоких цилиндрах. Гроб в катафалке, пыльным укрытый покровом, весь утопал в нежных живых и жестких жестяных венках, брэнчащих фарфором.

А за катафалком шуршащею черной цепью натились кареты, кареты... И где то вдали громыхали линейки. Там бедные родственники развлекались шумной беседой в ожидании сытных поминок...

Двое рабочих на тротуаре остановились, смотря на процессию. Один сдвинул бурую кепку к затылку и поглядел на другого. Мотнул головой к катафалку и, сплюнув, сказал:

— Эх, и живут же люди!

Вас. Лебедев.

ЧИСТЯТСЯ...

Рис. К. Ротоза.

Назначенная президентом Кулиджем комиссия для расследования нефтяной панамы приступила к работе.

(Из газет).

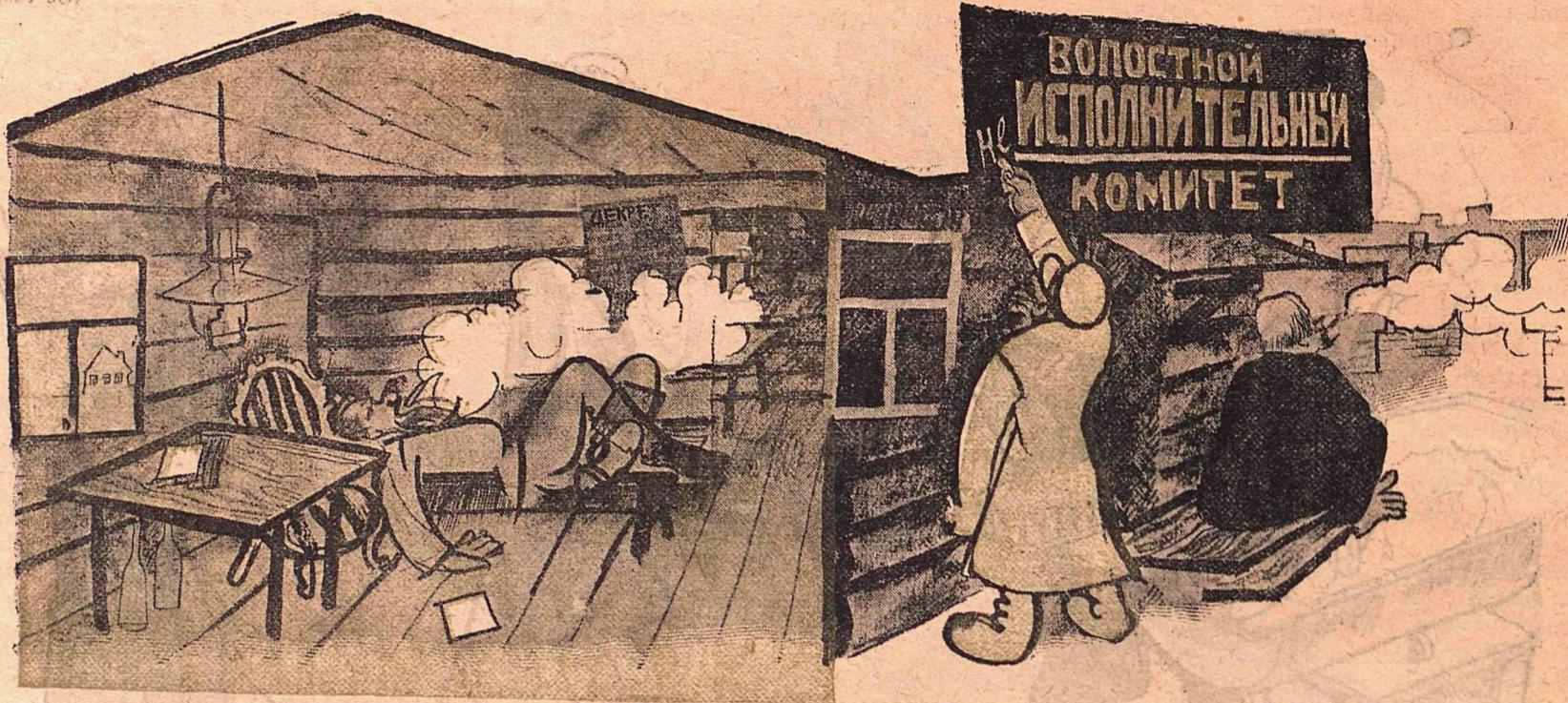
„Комиссия“? Оч-чень мило!
Взялась комиссия за мыло
И по всем правилам пятновыводной науки
Начала отчищать от нефти брюки!

Тяжелая у тебя миссия,
Расследовательная комиссия!
Встречали-ль вы более потрясающую драму —
С нефтяными пятнами на брюках расследовать
нефтяную панаму?..

У Крокодила сомнений нет:
Когда этот № выйдет в свет,
То самому Кулиджу (даром, что высок и знатен!)
Придется чистить свои брюки от нефтяных
пятен!..

ФАКТИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА.

Рис. В. Денисовского.

Неисполнительный волостной комитет.

Христианская кончина дьячка из Покровского прихода.

Рассказ вразумительный.

ГЛАВА

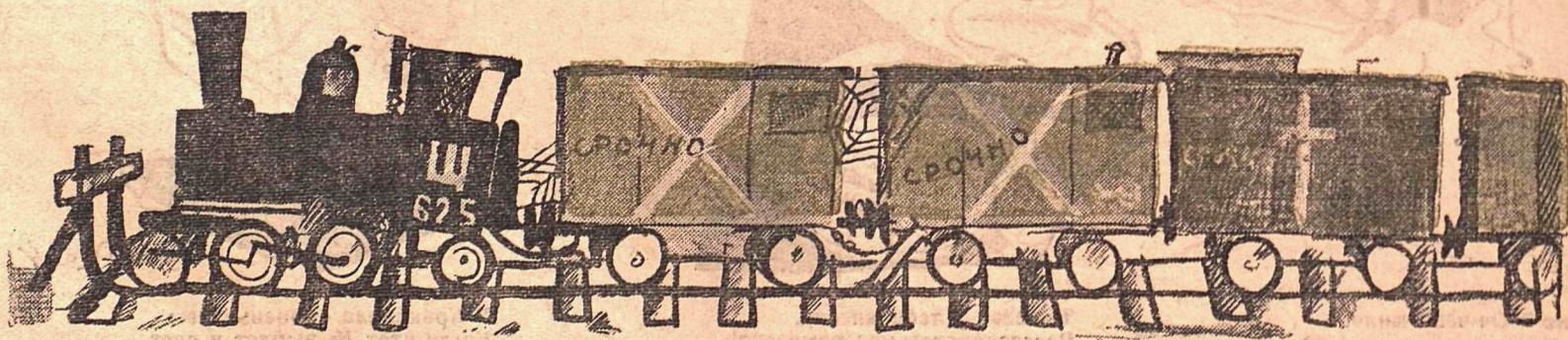
первая и очень трогательная.

Жил в селе Покровском бедный дьячок по имени Иоанн. Человек он был благочестивый, пел на клиросе тонким голосом, за обедней нюхал табак, чтобы прочистить зрение, не отличающее буквы в священном писании. Пищу употреблял безубойную не только в понедельник, среды и пятницы, но и каждодневно по причинам малого дохода церковного. Однако, смирение его было многолетнее и он не роптал, и наставнику своему о. Василию не завидовал, который употреблял пищу убойную и карманы имел вместительные.

— Каждому свое!— говорил сокрушенно дьячок Иоанн.—Я малый человек образованием своим, мне и доходы малые. Да будет воля твоя, господи, ныне и присно и веки веков...

РАБОТА ПО НОТ'у.

Рис. В. Денисовского.

ЧИТАТЕЛИ „КРОКОДИЛА“! Вы думаете, что это капитальный ремонт? Нет, это—ПРОСТОЙ ремонт!..

Одной из ближайших задач партии является необходимость послать, как можно скорее, исполнителей в деревню.

(Из г.зет.)

ГЛАВА

вторая, менее трогательная, равновесие душевное нарушающая.

Случилась в той стране большевистская революция, богу негодная, духовенству противная. Народ перестал креститься, венчаться, отпеваться. Мужской род с женским родом венчались по декрету и никто не думал о благолепии храма господнего. О. Василий, после долгого размышления, срезал волосы на голове своей, перешел полукафтаны на светское платье и занялся другой торговлей, наиболее выгодной, наиболее угодной богу: спекуляцией. Был он человек образованный, учился в духовной семинарии и ему ничего не стоило заняться всякой торговлей, приносящей плоды от усердия.

Дьячок Иоанн человек малообразованный и настало для него житие непереносимое. Тут и явился к нему во сне демон искушающий. Взял он дьячка Иоанна за правую руку, сладко шепнул голосом женским:

— Иоанне! Почто несешь смирение свое? Почто не возвеселишь сердце, печалью сокрушенное?

И поднес тут демон пузырек малый к

носу Иоанна, вытащил пробку демонским пальцем и пошел из пузырька дух великий, глаза выедающий, туманы зеленые по избе расстилающий. Хотел Иоанн захватить этого духу двумя пальцами, чтобы зарядить правую ноздрю вместо табаку нюхательного, зрение освежающего, демон сказал ему девичьим голосом:

— Иоанне? Не бери его пальцами, прикасайся устами.

А что сие за знамение мне грешному человеку?

— Знамение великое: ноги твои будут топтать по козлиному, уста будут петь по петушину, голова качаться по лошадиному и весь ты будешь человек несбыкновенный: проживешь и с малым образованием лучше, чем с большим. Не бойся, Иоанне прикоснись устами! Понравится тебе дух, из пузырька исходящий— научу я тебя тогда, как и самому производить дух, туманы пускающий.

Соблазнился Иоанн в эту ночь от голоса демонского и до утра протопал ногами по козлиному, пропел по петушину, промотал головой по лошадиному, слава господу, сотворившему небо и землю, видимое и невидимое.

Группой инж. Васильева, одного из пионеров научной организации труда в России, обнаружено, что из 29 суток на простой падает, 28, и только одни сутки на самый ремонт.

Г Л А В А

третья, самая грустная.

Научился Иоанн от демона пузырьки делать и пошел к нему народ православный, ибо наливались в те пузырьки капли самогонные—от греческого слова: *сами гонят*.

И когда Иоанн, дьячок Покровского прихода, плавал в туманах зеленых, ползал на четвереньках по избе, прижимая

к сердцу своему пузырек единственный, явилась к нему баба злая с большой дубовой палкой в руке. Даже на икону не перекрестилась. Плюнула в кулак, чтобы палка крепче держалась, и начала она палкой Иоанну ребра считать. Насчитала двенадцать штук, Иоанн говорит:

— Все! Дай мне покаяться.

Ушла баба злая, стал Иоанн каяться в грехах своих видимых и невидимых. Ноги его не топали, голова не качалась.

Лежал он на левом боку, смиренно говорил, шупая ребра перебитые:

— Господи, прими дух мой с миром!

— Согрешил аз, набеззаконил!

Подошли тут к Иоанну овцы, коровы, свиньи, пропитые мужиками, начали блять, реветь, хрюкать громкими голосами.

Через минуту Иоанн лежал мертвый с крестным знаменем на груди и был прощен господом и вознесен на небо с переломанными ребрами. А. Невзоров.

Рис. А. Радакова.

СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

Участились случаи, когда подсудимые берут на прокат детей специально для «смягчения» наказания.

— Гражданин судья! Будьте снисходительны—обратите внимание, у меня ребено .

— Гм! Ст анно. Сдастся мне, что я этого младенца сегодня уже четвертый раз вижу. На прокат его что ли берут?

Приключения счетовода Бузыкина.

(Современная баллада).

Герой рождается из теста,
Что замесил его же род...

Однажды некий счетовод
Из управления Чепухтреста,
Скопивши несколько монет,
Взял на «галерку» в цирк билет.

В сто крат скромнее, чем послушник,
И видя, что начнут не вдруг,
Он, заполняя свой досуг,
Через фойе пошел в конюшни,
Где, вспомнив про былую власть,
Лев диким криком ширил пасть.

Каким мерил факт измерим
И чем был вызван этот жест?—
Но счетовод, забыв свой трест,
Вдруг в клетку влез и встал перед зверем—
И все смотрели, оболдев,
Как счетов да встретил лев.

Была ль тут храбрости уступка
Иль был визит нахальством прост,
Но лев, поджав свой пышный хвост,
Присел скромнее, чем голубка...
И счетовод минут через пять
Из клетки чинно вышел вспять.

Сей случай стал известен в тресте—
И вот в служебный кабинет
Через секретаршу вызвал пред
Героя, что достоин лести.
Нельзя же (дуй его горой!)
Не отличать тех, кто герой...

Когда-ж узнал с тоской овечьей
От секретарши счетовод,
Что пред его к себе зовет,—
Он потерял способность речи
И на конторку, чья страх,
Чернила вылил впопыхах.

Боясь еще сызмальства старших,
Не поборов в поджилках дрожь,
Шел счетовод, как гусь под нож,
Шепча в затылок секретарши:
— Я к льву сто раз сходить возьмусь,
А к преду в кабинет... боюсь!!!

К. Шелонский.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

— «Притель дорогой! Здорово, где ты был?»

— «В театре, милый друг... В театр я угодил...»

Все видел, высмотрел. От удивленья,
Поверись-ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе подробности, ни сил.

Какие лестницы! Какие локи!

Какие штуки и какие трюки!

Колеса, выстрелы, прожекторы, гудки

И блоки, и звонки!

Во сне я о таком едва ли грезил чуде,

Поверись-ли, меня бросало в жар!

На головах стояли люди,

И двигался под ними тротуар!

А прыгуны уж больно там ретивы:

Должно быть, цирковой у всех актеров стаж!

Какие там, притель, конструктивы!

Какой монтаж!..

Над сценой пузыри летали!

Диковинные выселись леса!

Во мне поджилки трепетали,

И встали дыбом волосы!..

Я в цирках не встречал, что я в театре
встретил:

Трапедий двадцать штук, и кольца, и мосты!..

— «А пьесу видел ты?»

— «Нет, пьесы я и не приметил!..»

Михаил Пустынин.

ЗОЛОТОЙ ПОЯС.

Выйдя с Биржи Труда, Ванька Ложкин глубоко вздохнул и тупо уставился на яркую афишу.

С афиши, горделиво напружившись буграми мяса, презрительно щурился на мокрую панель рослый и голый дядя, в медалях и лентах.

А ниже стояла пестрым набором:

**РЕШИТЕЛЬНАЯ!
БЕСПОВОРОТНАЯ! БОРЬБА!
2! ДВЕ МАСКИ! КТО КОГО? 2!**

Победителю
Звание чемпиона мира на 1929 г.
ЗОЛОТОЙ ПОЯС!

СТО ЧЕРВОННЫХ РУБЛЕЙ!

Подробности сами увидите в цирке.

— Золотой пояс!.. Мигнуло у Ваньки в голове. А мне бы хоть кожаный... Сейчас-бы загнал...

Скулы Ложкина пошли желваками, а под языком закипела слюна.

— Э-эх!.. Сейчас-бы это шей... гор-рячих... Да чаю... Порции три...

Аршинные плечища передернуло. Был октябрь. Моросило. Ветрило.

Чемпион „Занзибара и Малой Антанты“, свирепый Мамали-Оглы-Султан-Бей трахнул стулом об пол и сказал на чистейшем занзибарском языке:

— Вот вам хомут да дуга, а я вам больше не слуга! И швырнул красное, драное трико прямо в директора.

Тщедушный директор ответил с парижским акцентом:

— Ну, вы мне не очень-то!.. Расшвырялся! Я тебя так швырну... Пошел вон, когда так!.. Босювка! Виндюжник! И бросил страшному силачу его паспорт.

Через минуту директор говорил кубастому арбитру.

— Я вашего дурака Занзибарского выгнал. Он в мене трико швырнул и аванс в товаро-пассажирском рубле требует... Скандалист...

— Спьяна а! Философски зевнул арбитр и добавил:

— Да заместо его у меня тут новичек просится... Вятский парень... Застрел в Москве. Здоровый...

— Здоровый?—с опаской спросил директор.

Арбитр усмехнулся лениво,—на счет этого не сомлевайтесь, мусью Жак. У нас дисциплина. Надо,—так под кошку ляжет...

— Валяйте! — ответил мусью Жак.

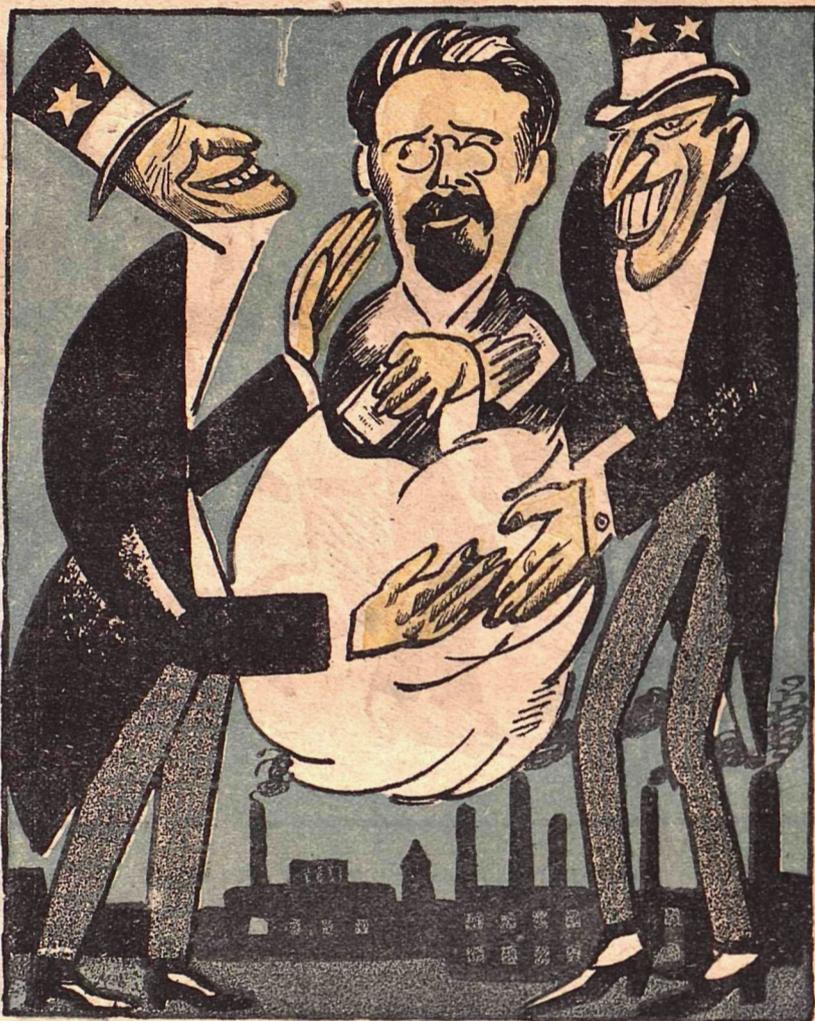
И участь Ваньки Ложкина была решена.

II.

Вечером, за сырой десчатой переборкой, арбитр долго щупал

Тов. Ногин, отправившийся в Америку заключать договор по пересылке американского хлопка в Россию, на днях возвратился, достигнув блестящих результатов в своей поездке.

Рис. А. Радакова.

Приветствуют хлопками!..

Ванькину кожу да кости. Потом ткнул большим пальцем под ложечку и промямлил:

— М-мда... Эх, тебя биржа-то натренировала... Придется мускулы накачать... Ну, ничего. Чемпионом будешь. Иди вон рядышком. Спроси там Бамбумбуллу. Он тебе все разъяснит.

Бамбумбулла, тощий и серый с лица, пыхтел над сапогом.

Ваньку встретил приветливо.

— Салам-алекум!.. А ну-ка,

браток, подмоги ты мне этот

проклятуший сапог стащить... Не слазит, холерик...

Потом, уныло кашляя, обвязал себе руки и ноги ватными бинтами, натянул поверх их глухое трико, долго подтыкал бицепсы, разглядел пробор и вдруг,—стал афишным чемпионом. Завыл где-то гонг, Грохнула музыка.

— Пар-рад ал-ле!—густо рявкнул арбитр. М-муз-зи к!—мар-рш! В пер-р-вой пар-ре... Победителю—зо-ло-той п-по-яс!

У Ваньки екнуло сердце. Он сплюнул в ладонь й...

III.

Через час, перепуганный до смерти Ванька, сдерживая потную зеленую маску, таращился на освирепевшего арбитра.

Сбоку налезали, грозили и сердито скалились разобитенные борцы. Арбитр брызгал слюной и хрипел всем брюхом:

— Да бревно ты стоеросовое!.. Ч-чорт ты свинячий!.. Весь порядок ты мне испортил... У-ух!

Ванька моргал, потел и конфузился,—

— Господи ж... Да чего ж я такого?..

— Чего ж? Чего ж? А что тп Бамбумбуллу, балда чертова, как медведь подломал, да на лопатки плюхнул!

Директор подпрыгивал на скрипучем стуле,—я ж говорил! Я ж вам говорил!

— Да ведь помилуйте ж мусью Лимонад!—ведь мы ж ему толком разъяснили:—под страшного негра ляг, тигра долго не тискай,—он сам ляжет, а чемпиона Антанты легче хватай, у него грыжа... А он... Пош-шел вон!.. Твой фарт, что здоровый, а то б я тебе... Ух! Так бы вот и двинул...

— А по-пояс?.. заикнулся Ванька.

— По-о-яс? Какой? Ах ты... Выдал ты его? Пояс ему! А червонных не хошь? Накося, выкуси! Ха-ха-ха!..

И „зеленая маска“, под гулкий хохот чемпионата, очутилась на мокрой ночной панели.

Леонид Саянский.

НОСИТЕЛИ БОДРОГО СМЕХА.

Редактор журнала отложил в сторону какую-то рукопись и взглянул на вошедшего юмориста Лярова.

— Фельетончик принесли? Юмористический?

— А то какой же?.. Мы только на юморе и держимся... Потому, как мы носители бодрого смеха...

— Ну, что уж... Читайте...—зевнул редактор.

Ляров откашлялся и начал:

— Маленький толстый буржуй встретился с мощным рабочим... Зарево мирового пожара...

Редактор устало поднял голову.

— Послушайте, Ляров, так нельзя... У меня здесь в ящике за сегодняшний день уложено 16 рассказов, тоже юмористических и все они начинаются вот этими самыми словами.

— Но, позвольте, классовая борьба...

— Да, но... Пора уйти от трафарета, нужен размах, рисунок... Ляров просиял.

— Рисунок, вы говорите? У меня есть прекрасная тема для рисунка в журнал...

— Политическая?

— Да, иностранно-политическая. Представьте себе так:

стоит маленький толстый французский буржуй, а перед ним во всю страницу огромный рабочий, а подпись...

— Не подойдет.

— Почему. Ведь, классовая борьба...

— У меня в ящике лежат 27 рисунков и на всех нарисован маленький французский буржуй, а перед ним рабочий... Ляров! Ляров! Момента вы не чувствуете—ведь, теперь у нас на очереди смычка города с деревней, прием в партию—

вот на что нужно откликнуться...

Ляров уныло помолчал...

— Смычка. Прием... Д-да... это того... А если, например, нарисовать так: стоит маленький толстый деревенский кулак, а перед ним высокий мощный рабочий... Или же высокий, мощный рабочий не хочет принять в партию маленького толстого интеллигента, который продает червонцы на высокой мощной бирже.. разумеется черной...

Редактор молчал.

— Или вот еще: маленький толстый Пуанкаре и высокий мощный Чичер...

Юморист не договорил и тихо умолк. Скис.

Я. Галицкий.

ЛИПОВАЯ ИДИЛЛИЯ.

Рис. Авеля.

Новый британский министр колоний Томас произнес речь, в которой призывание к власти рабочего правительства назвал бескровной революцией и предсказал в близком будущем идилическую жизнь для английских рабочих.
(Из газет).

В цветочках липы. Вьются тучки.
Весь в бантиках завод и луг.
Берут рабочие за ручки.
Своих изнеженных подруг.

Все блага жизни щедрой кипой.
Принес сюда художник наш...
Но.. что-то слишком пахнет **липой**
Сей идилический пейзаж!..

СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЯ—ХУДОЖНИКА—ПИСАТЕЛЯ.

Разгадка загадки.

В № 1-м „Крокодила“ была помещена загадная картинка. От читателей требовалось угадать, где эта картина висит.

Получено от читателей много ответов.

Целый ряд школьных работников пишет примерно так:

— Ах, это изображение всегда стоит перед нами, и днем, и ночью, а главное—при получении содержания. Когда т. Луначарский простенографирует нам: содержание увеличено?

Есть несколько ответов легкомысленных.

— Зайдите в балетные студии, там все узнаете.

Есть один ответ такого содержания:

— Если она не висит, то ее надо повесить в ЦКК.

Чтобы прекратить дождь ответов, даем ответ:

Картина, снимок с которой был напечатан в „Крокодиле“, висит в приемной т. Луначарского в Москве в здании Наркомпроса, Сретенский бульвар, д. № 6.

Млекопитающие мужчины.

(Фабрика „5 Октябрь“, станция Струнино).

Список лиц, кормящих грудью детей, за декабрь 1923 г.

БОЛЬШОВА, Любовь Ивановна, 7 часов.

КОНОНОВА, Варвара Ивановна, 7 часов.

ГОМЗИН, Матвей Иванов, 7 часов.

ЛУКЬЯНОВ, Александр Федоров, 7 часов.

ЛАЗАРЕВ, Иван Андреевич, 2 часа.

АНДРИАНОВА, Евдокия, 7 часов.

ПУГАЛОВ, Иван, 7 часов и т. д.

Этак, придется ввести 4 месячные отпуска беременным мужчинам.

В. Базанов.

Рис. Пуало.

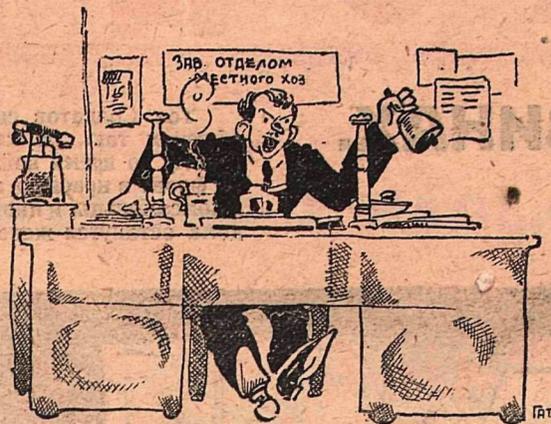

В Став ополе в музее городском Му еведом служит некто Праве. И разве Праве вправе Определить в музей а службу в свой дом—

Трех д чек? Возьми-ка Крокодил, их на зубочек.

Главлит № 19919.

Рис. Гат.

В кабинете зава звоны,
Диги доны, дилинь до-
н,
Дол-тинь-дав, тигинь-
дав.
Зав звон зав, зав звон-
зав.
Вот такие то зав-звон-
зав.
Что звонят всем целый
день,
Вам знакомы эти доны,
Зав-звон-завы дре-бе-
день?

Привет крокодилатам.

На Соткинском заводе Златоуста
Открылся штаб Крокодилат.
Приветствую своих ребят!
Кладите на палитры краски
густо,
В чернильницах копите яд!
Пускайте в ход каленое зу-
било!
Кого нащупаешь, хватай за
хохолот
И мощно вилы в бок!
Во славу „Крокодила“.
Управдел Крокодила
Забодай-Корыто.

Сов. копеечка тысячи рублей не бережет.

Некая гражданка Матвеева на-
вела справку в адресном столе
г. Екатеринбург и не заплатила
пятак.

Что из этого вышло?

1. Административный отдел
окрисполкома направил требование
о пятакке в управление милиции
(отношение, подпись одна, резо-
люция одна—в руб. 10 въехало).

2. Возмущенный такой волоки-
той, Омской губ. административный
отдел, препровождая отношение,
указанное под № 1, в редакцию
„Крокодила“, делает уже три под-
писи на своем отношении—рублей
в 20 въехало.

3. Получение отношения „Кроко-
дила“ по почте, записи, выписи,
авторский гон рар...

Матвеева, берегите время и со-
ветскую копеечку.

Не крести ребят!

(Лукино, Тверск. г., Восьегонск. у.)

„Выдано удостоверение гр....
что у него дочь, проживши 6 дней,
при крещении остыла, что
удостоверяется. Предрайсовета А.
Виноградов“.

Не крести ребят, дабы оные
не остывали. Сверчок.

Подарунок.

(Павлоград, Червонноднепров-
ско губ.).

Член коллегии защитников М. Д.
Шапоринский „сам собі улашту-
вав юбілей. Сам роздав припро-
хуючі квитки. Все він сам собі
зробів. Розіслав карточки всім і
окоужкому, і голові окоужного
выконавчого камітета ачокрми-
лиці інше.

Шановный друже Крокодил, зро-
би „йому подарунок і піднеси за
його 20 літню практику“.

На печатной пригласительной
картке значится:

„В 12 часов дня приветствие и
обмен мнениями (о чем?) и в
7 ч. вечера—вечер воспоминаний
(о чем?)“.

Пусть теперь он вечно воспо-
минает. Вий

ЖИЛИЩНЫЕ МЫТАРСТВА.

(БЫЛЬ)

Моя семья в Москве жил:
Уж г д без крова и угла.
Пришел я как-то в Райсовет:
„У ас, товарищ, комнат нет“.
Побрел назад, махнув рукой,—
Решил зайти в район другой.
Стоял в хвостах неделю, две,
Стоял до боли в голове.
На все мольбы один ответ:
„У нас в районе комнат нет“.
Тогда, набравшись новых сил,
В последний раз рискнуть решил.
Надеждой новой окрылен,
Пошел я пасмурный в район.
Вдруг вижу—непман в котелке
Выходит с ордером в руке.
„Ну, дело в шляпе!—думал я.—

Получит комнату семья“.
Вхожу я бодро в кабинет...
„Вам что, товарищ? Комнат? Нет!“
— „Позвольте, что вы?“— „Верьте,
факт“.
— „Но вот же санитарный акт,—
Живу в подвале,—дети, мать...
„Я принужден вам отказать“.
— Я целый год прошлялся к вам.
Я скоро в суд на вас подам.
С усменкой жмет плечами он...
Я понял все—и вышел вон.
И вот—поверите ль, друзья,—
Опять, опять без крова я,
И пуст карман мой, черен хлеб,—
Да, я рабочий, а не неп.

Т.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ...

Я Крокодил, существо прозорное,
Весьма обжорное...
Получаю писем по тыще,
А все мне мало пища...

Шлите факты,
Шлите акты,
Казусы, анекдоты
Про ваши нечистоты,
Картинки быта—

Все в одно корыто
Ухлопаю!
И слопаю

В. Неизвестному М. К. Ж. Д.

Я мир поставлю на дыбы...
Насчет мира не знаю, а вот
чешуя на мне встала, действитель-
но, дыбом. Не пойдет.

Л. Зыскинду, Орел. Мануфак-
турная, галантерейная и трикотаж-
ная торговля Л. Зыскинда.

Вы хотите быть нашим работ-
ником и просите выслать удостове-
рение. Получайте: „Сим удостове-
ряется, что Л. Зыскинд пишет пло-
хие стихи с просьбой выслать го-

норар“. Идите лучше по специаль-
ности: там гонорар надежнее.

Торке. И фамилию вы подпи-
сали вымышленную, и факт вы
сообщили маленький, и против то-
варища зуб имеете, и сводите с
ним личные счета.

Ч. П. Х. Вы расшифровали так:
— ГПУ значит Господин Пуан-
каре.

Расшифруем вашу фамилию
Че-Пу-Ха.

В евидящему. Юзовка. Са-
мое лучшее в ваших рассказах —
эпиграфы, заимствованные из га-
зеты. То, что вы пишете по эпи-
графу, беспомощно слабо. Брось-
те. Не обольщайтесь. Пишите нам
о фактах.

Иванчину, Позднякову, Ко-
зыденко, Н. Пстухову, Думе-
Чайке, Анапскому, Котомке.
Используем.

Редактор—Н. И. Смирнов.
Издательство „Рабочей Газеты“.

Тираж 150.000 экз.

КРОКОДИЛ

НА РАЗНЫХ ПОЛОВИНАХ.

Рис. Н. Радлова.

Тов. Солдатов свое желание поступить в партию объяснял так: „Я, как бы сказать, давно коммунист, потому во время войны детей послал добровольцами на фронт в красную армию, а дома у меня всякие есть: и комсомольцы и пионеры. Беспартийными, стало быть, дома останутся жена и кошка“.

„Известия“.

— Теперь будет так: твоя половина с богами и кошкой — правая, а моя — левая, потому как я вступил сейчас в партию, так чтобы мне не было конфуза перед товарищами.